

Алексей АНПИЛОВ

БОРЬБА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Донбасс и Россия после убийства Александра ЗАХАРЧЕНКО

ТРАГИЧЕСКАЯ ГИБЕЛЬ президента Донецкой народной республики Александра Захарченко стала для всех русских людей определённым Рубиконом, за которым вновь начинается "terra incognita" — неизведанная земля, в которой привычные правила опять объявляются недействующими, а будущее Донецкой (да и Луганской) народных республик становится снова неопределённым и туманным. Ведь подлое убийство Александра Захарченко — это не просто смерть лидера небольшого непризнанного государства, но и большой вопрос ко всем нам: а что ждёт всех нас в таком будущем? Где окажется не только ДНР и ЛНР, но и вся большая Россия уже через несколько лет, если нынешняя ситуация продолжит своё инерционное развитие?

ГОВОРИМ "ДОНЕЦК И ЛУГАНСК", ПОДРАЗУМЕВАЕМ — "МОСКВА"

Конечно, для жителей России, которые следят за событиями в Донецке и Луганске не только по новостным сообщениям центральных каналов, понятно, что ДНР и ЛНР, при всей неформализованности их статуса, представляют из себя классические военные протектораты России. Статус военного протектората отличается от широко известного из новейшей истории статуса "марионеточного государства" тем, что при полной зависимости от другого государства во внешней политике, во внутриполитических вопросах протекторат сохраняет значительную степень независимости.

За историческим примером военного протектората не стоит даже далеко ходить от Донецка и Луганска — практически вся история русско-турецких войн проходила на территории военных протекторатов воюющих сторон: Крымского ханства, Кабарды, Адыгеи и Черкесии. Являлись военными протекторатами России и области казачьих войск: Запорожского и Донского, — первая из которых дала начало классической Украине, а вторая располагалась, в том числе и на территории нынешних Донецкой и Луганской республик.

Военные протектораты России всегда отличались от западных колоний: участие в местной хозяйственной и политической жизни со стороны Москвы было минимальным, куда более важным фактором считалась формальная присяга русскому царю и фактическая верность во времена войн, мятежей или волнений. Взаимоотношения с областью Войска Донского, как пример, всегда подчёркнуто велись через Посольский приказ (аналог современного Министерства иностранных дел), а дела Запорожского войска даже были выделены в отдельный, Малороссийский приказ, подчинённый Посольскому.

Сегодня можно видеть те же самые модели: управление Донецком и Луганском осуществляется максимально непрямым способом, насколько это возможно в условиях продолжающейся гражданской войны на Украине. Александр Захарченко отнюдь не был "безвольной марионеткой" — в своих выступлениях он неоднократно подчёркивал, что не желал уничтожить или развалить Украину. Он просто был против нынешней власти националистов в Киеве, которые хотели и хотят залить кровью Донбасс и таким образом обеспечить "окончательное решение" донбасского вопроса. Если бы Киев перестал говорить языком силы и нацистских идей, то, как представляется, ДНР и ЛНР уже давно вернулись бы в состав Украины. Тем более что именно этот вариант решения неоднократно озвучивался Москвой — а "человеком Москвы" Захарченко, безусловно, был.

ПРОЕКЦИЯ НА РОССИЮ

Однако, глядя на события в современном нам Донецке, мы невольно переносим их на улицы Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Омска, Краснодара, Казани, Уфы и многих других российских городов. Ведь историческая и, как следствие, современная Россия — это не только крошечное Московское княжество, но и громадное число самых разных территорий и народов, которые в разное время решили совместно жить в рамках одного государства на севере Евразии. Государство у этих людей получилось большое и мощное — но и опасное для всех других мировых держав, в число которых Россия уверенно входит вот уже эдак лет пятьсот минимум.

К счастью, ничего падевать с самим "сердцем Евразии" противники России не могут — слишком негостеприимен тут кли-

мат, слишком велики расстояния. Литовцы, поляки, Наполеон, Гитлер... Попыток было много, только вот закончились они все с разной степенью печальности. А вот на границах России события уже могут развиваться по-разному, что показывает пример Украины, которую удалось за четверть века в значительной мере оторвать от "русского суперконтинента" и создать на ней ущербную и полностью управляемую колонию Запада.

В сравнении Донецка и Киева можно проследить и разность подходов России и её геополитических противников к их зависимым территориям.

Для эфемерного "мирового сообщества", первую скрипку в котором, по сути, играют западноевропейские страны и США, в управлении неоколониями важен полный контроль над финансовой и политической сферой. Он осуществляется путём непрямым действий и с использованием всей мощи военной, финансовой и политической машины развитых стран. Нынешний формально "независимый" статус таких территорий не должен никого вводить в заблуждение — достаточно посмотреть на Украину, которая вот уже пятый год ведёт бесконечную войну против собственных граждан и своих национальных интересов. Причина понятна — такова воля её истинных владельцев, расположенных отнюдь не на киевских холмах. Инструментом такого принуждения выступает вождённое "признание Западом", которое является и хлébным кнудом, и вкусной "морковкой", вывешенными перед глазами национальной элиты и обычных людей. Просто для кого-то это воплощается в капиталы в швейцарских банках и виллы на Лазурном берегу, а кто-то получает возможность на такой вилле вымыть унитаз и послать домой часть скромного заработка.

Подход России — это подход помощи в развитии территорий. Российские пенсии, российские энергоносители, прямая российская помощь деньгами и советниками — вот рецепт России по отношению к своим зависимым территориям — будь то Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье или Донбасс. Россия де-факто отвечает по международному праву за все эти непризнанные анклавы, во многом сама попадая в ситуацию частичной изоляции и неполного признания своих действий. Но и действовать по-другому она просто не может, так как за прошедшие где сто, где триста, а где и все пятьсот лет совместного проживания современные границы не имеют никакого значения. Это лишь линии на карте, проведённые двадцать семь лет назад, которые разделили семьи, друзей, родственников, а где-то — и целые города.

Потому и получается, что разделённая Украина живёт по-разному: Киев, пользуясь всеми атрибутами официального государства, тем не менее является прямой колонией западных стран (вплоть до назначения министров родом из Детройта, Вильноса или Тбилиси), а Донецк и Луганск, будучи столицами крошечных непризнанных государств, пользуются от России правами самой широкой автономии — до полного невмешательства в нyoаны их внутренних политических вопросов ниже уровня формальных глав ДНР или ЛНР. Притом что их экономическое и военное положение, как и политическое будущее, зависит от России практически на сто процентов.

НАСТУПАЕМ, ОБОРОНЯЕМСЯ — ИЛИ БЕЖИМ?

События после трагической гибели Александра Захарченко можно, конечно, трактовать в исключительно пораженческом ключе: "закрыта страница", "друзья Главы убежали в Россию", "к управлению республикой окончательно пришли временщики". Но можно и посмотреть на произошедшее и происходящее сквозь призму исторического опыта, который мы только что разобрали.

Функция пограничия — защита серединной земли. Мало кто сейчас помнит, но ещё в XVII веке "украинцами" называли отнюдь не жителей нынешней Украины, но и всех русских, которые жили по окраинам большой России: были повские "украинцы", смоленские "украинцы" и даже... казанские и татарские "украинцы". Глубже по "шкале времени" — в Московском государстве "украинцами" называли воинских людей (пограничников), нёсших службу на окской Украине, в какой-то сотне вёрст от Москвы, в Верхнем и Среднем Поочье — против набегов крымских татар.

В этом отношении Александр Захарченко — конечно, "украинец". Настоящий пограничник, который отдал свою жизнь за то, чтобы жила его земля. Но он был и настоящим русским, для

восемнадцать — тоже пошёл в шахту, сначала подземным горнорабочим, потом забойщиком. Да и ребёнок появился. Перед войной устроился автолесарем на перевалочную угольную базу. Там же война застала.

Как это произошло? Начальник базы, а впоследствии мой командир, подошёл. "Саня, "Первый сектор" к нам прорваться может. Поможешь?" Я: "Конечно. Зачем он тут нужен". Мы построили блокпост — он считался самым мощным в Горловке. Нас собралось 150 человек — все местные. По звонку приезжали на место с битами, дубинками.

На первое задание меня взяли с собой несколько "афангачей" — взрослых мужиков. Сказали: "По Шоссеиной улице танк украинский должен пройти". И объяснили: "Как только он повернёт, запрывгаивашь на броню и футболкой триплексы, то есть "глаза", накроешь. Мы в Афганистане так делали — проверено!" Я: "Да вы что?" А они: "Ну, выбирай..." Согласился, стали

что у них за техника. Но слишком близко подошли, нас заметили и стали из пулемётов крыть. Меня ранило в ногу — кость, нервы наружу. А гранатомётчик наш струсил и убежал! Останься он — всё могло бы сложиться иначе. Другой мой напарник, Захар, оттащил меня за стенку дома. Я ему: "Уходи. Я выберусь, местность знаю. Командиру так и скажешь". Он: "Нет". Я: "Иди, говорю!" На себя, в общем, отгонь отвлёк — он ушёл. И я полполз потихонечку. Потом хохлы появились — разведчики. Первый мимо меня прошёл, не заметил. Второй, третий... А последний — разглядел! Я чёку из гранаты вырвал: "Не подходите!" Минут сорок разговаривали друг с другом. Потом слышу по рации у них: "Снайпер через две минуты подойдёт, снимем!" Думаю — пристреляй и всё, теряй нечего. Встал чёку, откинул автомат...

Привезли в больницу. А там ведь Донецкая область, врачи — земляки. Они сначала меня принимать не хотели, думали — "укроп". А потом узнали, что ополченец: "Родной ты наш! Ну, держись, держись..." Нogu просверлили, заштопали, на вытяжку повесили. Спрашивают: "Когда вы уже придёте? Задрали эти вояки!" Потом украинская элита военная приехала на меня смотреть. Думали, я россиянин. А узнали, что местный, за свой поселок воюю — крыть нечем! Сняли меня с растяжки, "на подвал" увезли. Хотя врачи требовали, чтобы остался. Ну и началось. Два раза расстреливать к стенке ставили. Били. На третьи сутки только до земли долетел...

Год и два месяца просидел в изоляторе в Артёмовске. Потом Винница, лагерь усиленного режима. И год в Киеве в кассационной камере. Там, кстати, вместе с "правосеком" и двумя украинскими "срочниками" сидел. Но ничего, нормально сидели, друг за друга заступались против произвола тюремной администрации. Вообще, никто нигде особо меня не трогал. Называли даже "ярый сепар". Обмена, честно говоря, не ждал. Забыл даже за обмен...

Чем занимаюсь сейчас? Только документы получаю, паспорт ДНР. Насчёт работы — вернулся на службу. Отыск. А что делать? А плен — как сон уже. Не думаю, не вспоминаю. Да и обиды ни на кого не держу. Живу и не замораживаюсь.

Александр КУШНАРЁВ, одессит, в мае 2014-го в огне Дома профсоюзов потерял сына, в плену провёл 10 месяцев.

Я себя назову так: русский антифашист, который оказался на территории сегодняшней Украины. 2 мая в Одессе погиб мой сын Геннадий, неравнодушный и деятельный человек, ему было 38 лет. Он был одним из организаторов "Куликова поля", занимался его охраной. С начала января 2014 года я также ходил на одесские митинги "Антимайдана" — вместе с бывшими службистами. Отмечу, что акции "Куликова поля" были абсолютно мирными, в какой-то степени даже пацифистскими, в отличие от оготелого киевского Майдана. Мы собирались каждое воскресенье — от 1 до 5 тысяч человек, говорили, возмущались и расходились.

Каким остался в памяти день 2 мая? Это были праздники, выходные. Я гостил в Приднестровье у брата. Основной актив "Куликова поля" в этот день был за городом, на природе, на шашлыках. О трагедии в Доме профсоюзов я узнал на следующий день утром из новостей. Днём уже был в Одессе. А вечером опознал тело сына в морге.

В дальнейшем меня интересовало только один вопрос — расследование и наказание виновных. Убит оказался не только мой сын, погибло 48 человек! Из Киева приехала следственная бригада. Но встречи с ними меня не то чтобы разочаровали, я понял — никакого расследования не будет. Над нами открыто издевались: "А что вы сами там делал?", "А у нас нет данных об убийстве!", "А мы не располагаем никакими видео-

материалами!" Вели они себя так, что мы просто перестали ходить на эти встречи и что-то требовать. Более того, к ответственности ведь стали привлекать совершенно посторонних людей: пожарных, милиционеров. Конкретные убийцы продолжали находиться на свободе.

Каждый месяц 2 числа мы, родственники погибших, стали собираться на Куликовом поле, помнить наших детей, возлагать цветы. В эти же дни радикальные украинские группировки приезжали на это самое место и устраивали свои акции. Например, ставили сцену и проводили фестиваль национальной песни. Или подходили к нам, говорили гадости, хамили.

Упрятать за решётку меня решили за то, что не успевалось, активничая. Например, я предоставлял свой офис коммунистам и родственникам погибшим, которые обсуждали текущие вопросы, просматривали фильмы, продолжали держаться вместе. В один момент в мой круг общения внедрился провокатор. Он инсценировал похищение мной местного народного депутата Гончаренко, который участвовал в расправе над людьми в Доме профсоюзов. Подобную операцию-инсценировку провели недавно с минимым убийством Бабченко. Также мне подкинули литературу, которую квалифицировали как "антиукраинскую". Арестовали 23 февраля 2017 года. Вменили "похищение человека и разжигание национальной и религиозной розни". Десять месяцев я просидел СИЗО, даже без предъявления официального обвинения.

В камере нас сидело шестеро так называемых "сепаров". Давления не было, чувство собственного достоинства никто не унижал. Там ведь тоже работают разумные люди. Администрация СИЗО понимает — рано или поздно всё это закончится, режим сменится, мы выйдем. Зачем усердствовать?

То, что режим сменится, я не сомневался. И Столетняя война закончилась. И гитлеровский режим. Кто думал, что Крым станет российским? Кто верил, что ДНР и ЛНР продержатся 4 года? Но это же случилось! Приведу другой пример. Если, начиная с 2014 года, День Победы — это был тихий ужас: с ветеранов срывали ордена, вырывали флаги с советской символикой, нападали на людей с георгиевскими ленточками — то вы посмотрите, что произошло 9 мая в этом году в Киеве, в Одессе. Бессмертный полк собрал тысячи человек! Ситуация меняется.

В Донецке я почти никого не знаю, общаюсь только с одесситами. Есть здесь Фронт сопротивления Одессы, посещаю их собрания. Сейчас хочу найти работу. Сам я преподаватель, автомобилист, инженер, преподавал в Одесском высшем военном училище на автомобильной кафедре, читал "Теорию двигателя". Также могу читать "Устройство и эксплуатацию авто", "Технологию металла". После обмена несколько месяцев я потратил на восстановление здоровья: у меня проблемы с суставами, неврологией, во время заключения сильно переохладился. Сейчас нахожусь в стадии интенсивного лечения.

Как оцениваю ситуацию на Украине? Социальное напряжение сильнее. Пример: тарифы увеличились в 10 и более раз. А пенсия у стариков — 1500 гривен. "Коммуналка" в зимний период доходит до 3500 гривен. Как жить? Если пенсионер остался один в трёхкомнатной квартире — всё, конец. Специалисты, те же врачи, уезжают в Восточную Европу. Да, в Донецке тоже серьёзный отток кадров, но всё-таки не настолько. Верю, что вернусь в Одессу. Любая смена власти — и вернусь. Цель в жизни до сих пор у меня одна — чтобы расследование о гибели людей в Доме профсоюзов было доведено до конца.

Материал подготовил
Сергей ПРУДНИКОВ

Донецк. 2 сентября 2018 года. Похороны президента ДНР Александра ЗАХАРЧЕНКО, в которых приняла участие более 200 тысяч человек